

В. В. Колода

Картографирование средневековых городищ Днепро–Донского междуречья как метод определения этапов славяно–кочевнических отношений

Природно-климатическое и ландшафтное разнообразие территории Днепро–Донского междуречья издавна привлекало своими ресурсными возможностями ведения производящего хозяйства как оседлые земледельческо-скотоводческие народы, так и скотоводов-кочевников. Указанная территория практически во все эпохи была ареной массовых межэтнических и цивилизационных контактов. Это нашло свое отражение в значительном количестве и разнообразии археологических культур, а также пестрой картине распространения памятников прошлого. Далеко не всегда эти контакты равноценно отражены как в письменных, так и в археологических источниках. Это затрудняет правильную интерпретацию общего хода исторических событий и отдельных его проявлений, в частности взаимодействие народов, ведущих различное по своей сути хозяйство и имеющих, как правило, значительные отличия в культуре, быте, ментальности и т. п. Изучение этих контактов, уровня взаимодействий и степени влияния отдельных этносов (племен, цивилизаций), в более широком понимании — кочевого и оседлого мира, является одной из задач как исторической науки в целом, так и археологии — в частности. Особенно остро этот вопрос стоял на рубеже I–II тыс. н. э. в междуречье Днепра и Северского Донца, где на протяжении нескольких веков прослеживаются интенсивные контакты славяно-русского и кочевнического мира.

Данная тема далеко не нова и имеет значительную историографию, в которой уже давно сформировано два направления оценки и интерпретации этих взаимоотношений. Одно из них можно условно назвать *«конфронтационным»*. Основываясь преимущественно на письменных источниках, авторы освещают взаимоотношения двух больших этнических массивов (каждый из которых имел свои существенные природно-климатические, хозяйственные и социально-экономические отличия) как перманентное противостояние восточных славян и жителей степи. Следствием этого является более глубокое противопоставление «лесного» мира с его упорядоченным регулярно-циклическим укладом и «степного» мира, который для оппонентов всегда являлся постоянным источником тревоги, а также олицетворением опасности и нестабильности [1, с. 57; 2, с. 19, 52; 3, с. 28–40; 4, с. 120–150; 5, с. 34–194 и др.]. Второе направление, что наиболее всего проявилось в хазароведении, можно назвать *«условно комплиментарным»*. Основываясь на археологическом материале и моделировании возможных, в связи с этим, этнополитических процессов, авторы видят и положительные тенденции взаимоотношения двух упомянутых миров. Они отмечают, что, наряду с периодами конфликта, были продолжительные периоды мирного существования и взаимовлияния в этнокультурном, хозяйственно-бытовом, социально-экономическом плане, а также в военном искусстве [6, с. 365–384; 7, 83–94; 8, с. 108–118; 9, с. 338–345; 10, с. 72–81; 11, с. 311–323 и др.].

К настоящему времени, благодаря усилиям многих поколений исследователей, выявлено и изучено значительное количество раннесредневековых памятников Юго-Восточной Европы. Вследствие этого граница между славяно-русским и многоэтничным степным (а для салтовского периода и лесостепным) массивами определяется довольно четко. Результаты картографирования памятников, прежде всего — городищ, не смотря на некоторую несогласованность между собой [12, с. 6–22; 13; 14, с. 114–169, 189–224; 15, с. 10–20, 88–132; 16, с. 141–150], составляют надежную основу для пространственно-временного историко-археологического исследования. Считаем возможным попутно заметить, что в последние годы в лесостепной зоне Северского Донца проводятся интенсивные разведки. Это позволило выявить ряд новых салтовских городищ [17, с. 279–281; 18, с. 33; 19, с. 281–285], что, однако имеет лишь уточняющий характер и не меняет общей ситуации.

Предварительно необходимо отметить, что среди значительного разнообразия археологических памятников прошлого особое место занимают городища (города), которые в таксономии древних поселений по праву занимают верхнюю ступень иерархии. Это связано с многочисленными и разнообразными функциями, которые были присущи им во все периоды человеческой истории, в том числе и в раннем средневековье. В данной работе мы затронем лишь один из аспектов их бытования — военные функции. Именно городища (города) были способны суммарно выполнять как задачи обороны, так и служить военно-экономическими базами для организации военного давления (угрозы, агрессии) по отношению к своим соседям.

Используя имеющуюся картографическую базу, обратимся к этапам взаимоотношений славян и Руси с кочевым миром в западной части Днепро-Донского междуречья, а именно — между Днепром и Северским Донцом, где контакты двух «миров» были наиболее интенсивны.

Для юга Восточной Европы, с его относительно спокойным рельефом, естественными рубежами практически всегда были реки с их крутыми правыми берегами, поэтому именно они и будут положены в основу определения границ контактной зоны. Рассматриваемая в настоящей работе славянская территория охватывает Днепровское Левобережье и, частично, лесостепное Правобережье Дона (рис. 1). Северная граница контактной зоны определена по линии: р. Сейм от истока до впадения в Десну — верховья р. Оскол и все течение р. Тихая Сосна до впадения в р. Дон. Восточная граница проходит по р. Оскол до среднего течения р. Северский Донец. Южная — Днепр от впадения в него р. Сула и до впадения р. Самара. Наша восточная граница — р. Сула и верховья р. Псел, к западу от которых находились центральные территории восточных славян предгосударственного и древнерусского периода их истории. Очерченный регион практически совпадает с северо-западной границей Хазарского каганата. В рамки этой контактной зоны также попадают древности большей части земель северянского племенного союза и юго-восточные земли полян предгосударственного периода. В дальнейшем эти земли входили в состав земель Черниговского и Переяславского княжеств [20, с. 32, 109, 114].

История взаимоотношений славян и кочевников юга Восточной Европы начинается еще в середине I тысячелетия н. э. Ее начало практически совпадает с вторжением гуннов и их союзников в восточноевропейские степи [21, с. 116–130; 22 и др.], постепенно трансформируясь из межплеменных отношений в отношения межгосударственного уровня в связи со становлением Хазарского каганата и Киевской Руси. Заметим, что практически до конца I тис. н. э. на рассматриваемой территории практически отсутствовали городища, исключение составляет, разве что Битица—Г вольтинцевской культуры [23, с. 125–134]. Массовое появление городищ в рассматриваемой зоне начинается у славян и кочевых народов не синхронно: сначала они возникают в Хазарии (середина—вторая половина VIII в.), затем, не ранее рубежа VIII—IX вв. — у славян Днепро-Донского междуречья. С их возникновением начинается, на наш

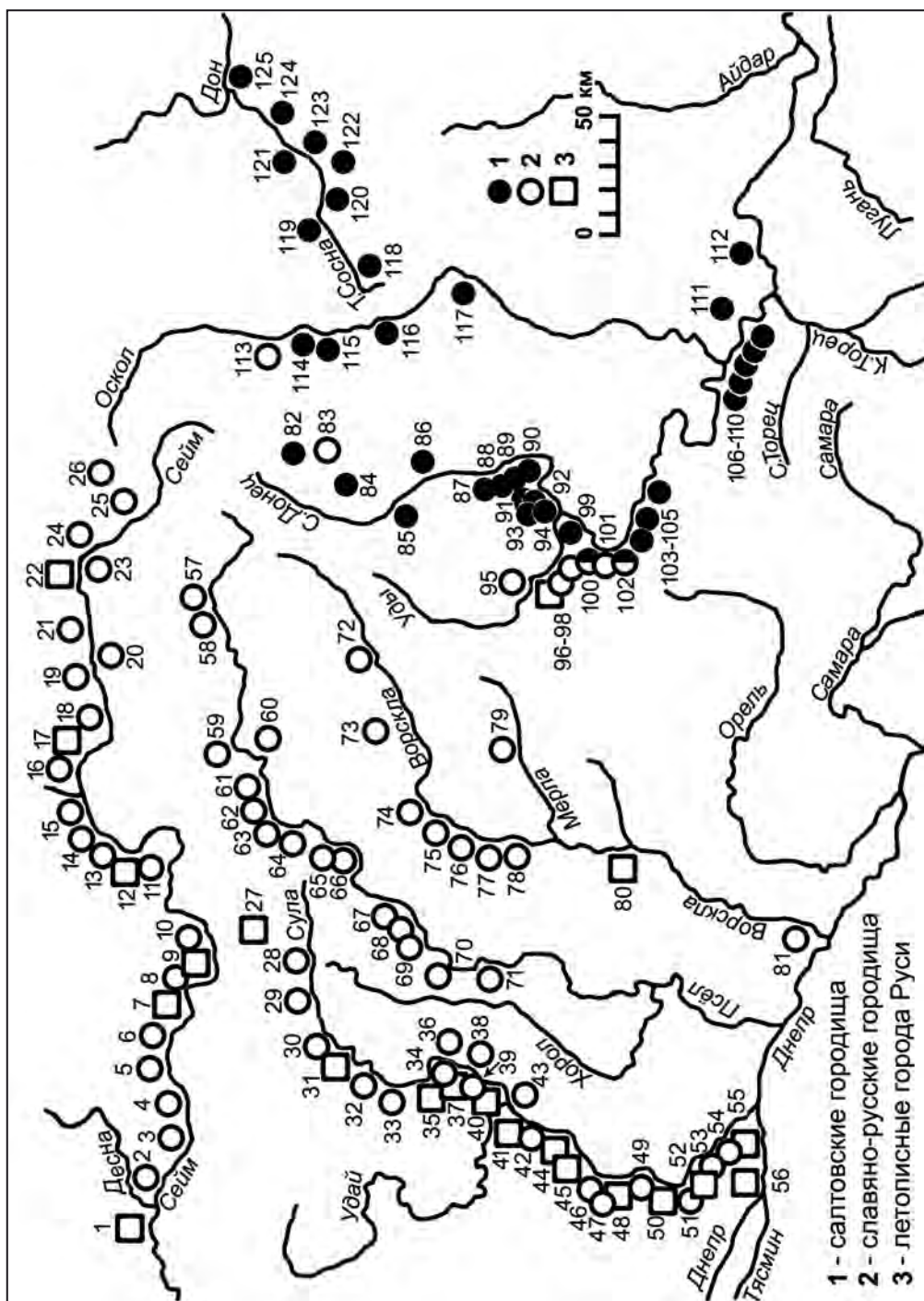

Рис. 1. Общая карта средневековых городищ контактной зоны Днiпро-Донского междуречья

взгляд, иной, более интенсивный период взаимодействия восточных славян с их южными и юго-восточными соседями, представляющими кочевой и полукочевой мир. Городища становятся центрами этих взаимоотношений. Являясь центрами хозяйственных микрорегионов, средоточием ремесленной и торговой деятельности, выполняя значительные общественно-социальные и фортификационные функции, городища играют определяющую роль во взаимоотношении славяно-русского и «кочевого» мира.

Исходя из сказанного выше, считаем правомерным поставить вопрос: насколько городища, как тип поселения, могут отражать взаимодействия славян (Киевской Руси) и их степных (преимущественно кочевых) соседей? Поэтому данная работа посвящена не всему периоду славяно-кочевнических отношений, которые в общеисторической перспективе можно рассматривать достаточно широко (с рубежа IV—V и по конец XVIII вв. включительно), а лишь одному хронологическому периоду, который охватывает середину VIII—первую половину XIV ст.: от возникновения славянских и салтовских городищ до начала смуты (раздробленности) в Золотой Орде. Со второй половины XIV ст. в связи с активизацией Литвы и Московского княжества ситуация в значительной степени меняется.

Традиционно славяно-кочевнические отношения рассматриваются сквозь призму присутствия тех или иных оппонентов славянам на юге Восточной Европы. В этом случае выделяется несколько этапов: хазарский (середина VIII—середина X вв.), печенежский (середина X—середина XI вв.) половецкий (середина X в.—рубеж 30/40-х гг. XII в.) и золотоордынский (40-е гг. XIII в.—середина XIV в.) — с незначительными хронологическими вариантами указанных дат [5, с. 34–194; 24, с. 62–75, 213–223; 229–236; 25].

Не оспаривая правомерность такого подхода, считаем возможным в данной работе взглянуть на эти отношения через призму хронологии славяно-русских городищ региона. За основу мы взяли хронологию, предложенную в работах О. В. Сухобокова [12, с. 9–22], А. В. Кузы [13] и М. П. Кучеры [14]. Для понимания динамики взаимоотношений славяно-русского и, условно, «кочевого» мира на этапе становления и развития ранней государственности у восточных славян Днепро-Донского междуречья, целесообразно выделить ряд этапов, в основу которых положена смена этнополитической доминанты в степи на окраинах восточнославянского этнического массива (табл. 1)¹.

Рассмотрим основные моменты и наиболее характерные черты поэтапной пространственно временной локализации городищ контактной зоны².

I этап (славяно-хазарский) — середина VIII—IX вв. Исторически он приходится на завершение этнополитической консолидации восточнославянских племен и образование единого государства. Для степных и лесостепных соседей славян — это время господства и относительной стабильности Хазарского каганата.

На этом этапе возникает большинство славянских городищ региона (58 %), что свидетельствует об ускоренном социально-экономическом развитии этих племен по

¹ Степень изученности городищ оставляет желать лучшего. Большинство из них исследовались лишь разведками с шурфовкой. В связи с этим мы осознаем, что последующие стационарные исследования могут внести коррективы в данные, содержащиеся в предлагаемой таблице.

² Относительно славяно-русских городищ заметим, что в наших построениях мы принимаем во внимание прежде всего те из них, которые находились на реках, способных стать основными естественными рубежами на пути следования степняков (Сейм, Сула, Псел и Ворскла). Исключение составляет городище в Белополье (летописный Вырь), расположенное в наиболее узкой части между Сеймом и Сулой и способное контролировать прохождение войск по этому водоразделу.

пути государственности. Не касаясь причин, условий возникновения городищ, и превращения их в города (а также их функций), что требует отдельного исследования, обратим внимание на некоторые особенности их локализации (рис. 2). Городища относительно равномерно располагаются в нижнем течении Сейма (от Свапы до Десны), в среднем течении Сулы и Псла. Их локализация и расстояния между ними (от 5 до 20 км) свидетельствуют в пользу того, что наиболее вероятной причиной их возникновения было выделение родоплеменных центров и центров отдельных экономических микрорегионов, что обусловлено необходимостью освоения сельскохозяйственных ресурсных зон. Явно меньшее количество городищ в верхних течениях указанных рек, а также на Ворскле свидетельствует, вероятно, о некотором запаздывании в социально-экономическом отношении тамошних общин. Исключение составляет Курск с его окрестностями. Указанные памятники не выходят за пределы лесостепной зоны. Наиболее юго-восточной группой славянских городищ являются роменские памятники в нижнем течении р. Уды, где они практически соседствуют с густой сетью городищ салтово-маяцкой культуры, представляющих раннефеодальное государственное образование Хазарский каганат. Именно здесь на ряде памятников (табл. 1) наблюдаются явления этнокультурного синкретизма, что не исчерпывается материалами городищ, а представлено значительно шире, причем по обе стороны условной границы этнических массивов [26, с. 106–112; 27, с. 90–92; 28, с. 125–136; 29, с. 61–98; 30, с. 232–240 и др.].

Салтовские городища представлены тремя основными группами: в верхнем течении Северского Донца (от Большого до Вербовского); в среднем течении Северского Донца (близ устья Оскола), а также в среднем течении Оскола и по Тихой Сосне. Их этническую основу составляли аланы — выходцы из Северного Кавказа, переселенные сюда центральной властью каганата с целью обеспечения ее военно-политических и, возможно, торгово-экономических интересов. Военно-политическое доминирование Хазарии в данном регионе в целом фиксируется летописными сведениями о сборе дани с ряда славянских порубежных с ними племен [31, с. 16–18]. Исходя из текста летописи «...имаху по бѣлѣ и вѣрвице от дыма», количество и номенклатура дани свидетельствует о том, что она была незначительной и посильной. Это было, скорее всего, изъявление покорности, позволяющее стабильно существовать и развиваться славянам, втягиваясь в евразийскую торговлю пушниной и серебром через Хазарию.

II этап (славяно-хазаро-печенежский) — X в. Ослабление Хазарии — с одной стороны, и укрепление единого государства Киевская Русь — с другой, несколько изменили ситуацию в пользу восточных славян. Одновременно с Хазарией в военно-политическом «диалоге» с Русью с 915 г. стали участвовать и печенеги [31, с. 31], что, с одной стороны, усложнило отношение восточных славян со степью, а с другой, — давало возможность верховному киевскому князю играть на противоречиях между степняками. Смена политического доминирования на юго-восточных границах Руси — уход с политической арены Хазарии и господство печенегов — сопровождался нарастанием конфликтов между двумя «мирами». Агрессия исходила от новых «хозяев» степей — печенегов. Это в определенной степени подтверждается и летописными сообщениями об укреплении князем Владимиром границ со степными соседями — печенегами [31, с. 83]. Отметим, что из рассматриваемого нами региона, в перечне рек упоминаются Десна и Сула, отсутствуют Псел, Ворскла и Уды. Такой факт может свидетельствовать в пользу того, что в рамках «государственной программы» основной упор делался на укрепление киевских и ближайших к ней земель.

Общее количество интересующих нас славянских городищ увеличилось незначительно (на 10). Из них в нижнем течении Сейма появилось лишь два. Вокруг Курска их количество удвоилось (с трех до шести), что свидетельствует об интенсивном освоении Верхнего Посемья. На основной территории Посулья, на Удах, Ворскле и Псле все осталось практически по-прежнему. Но в низовьях правого берега Сулы,

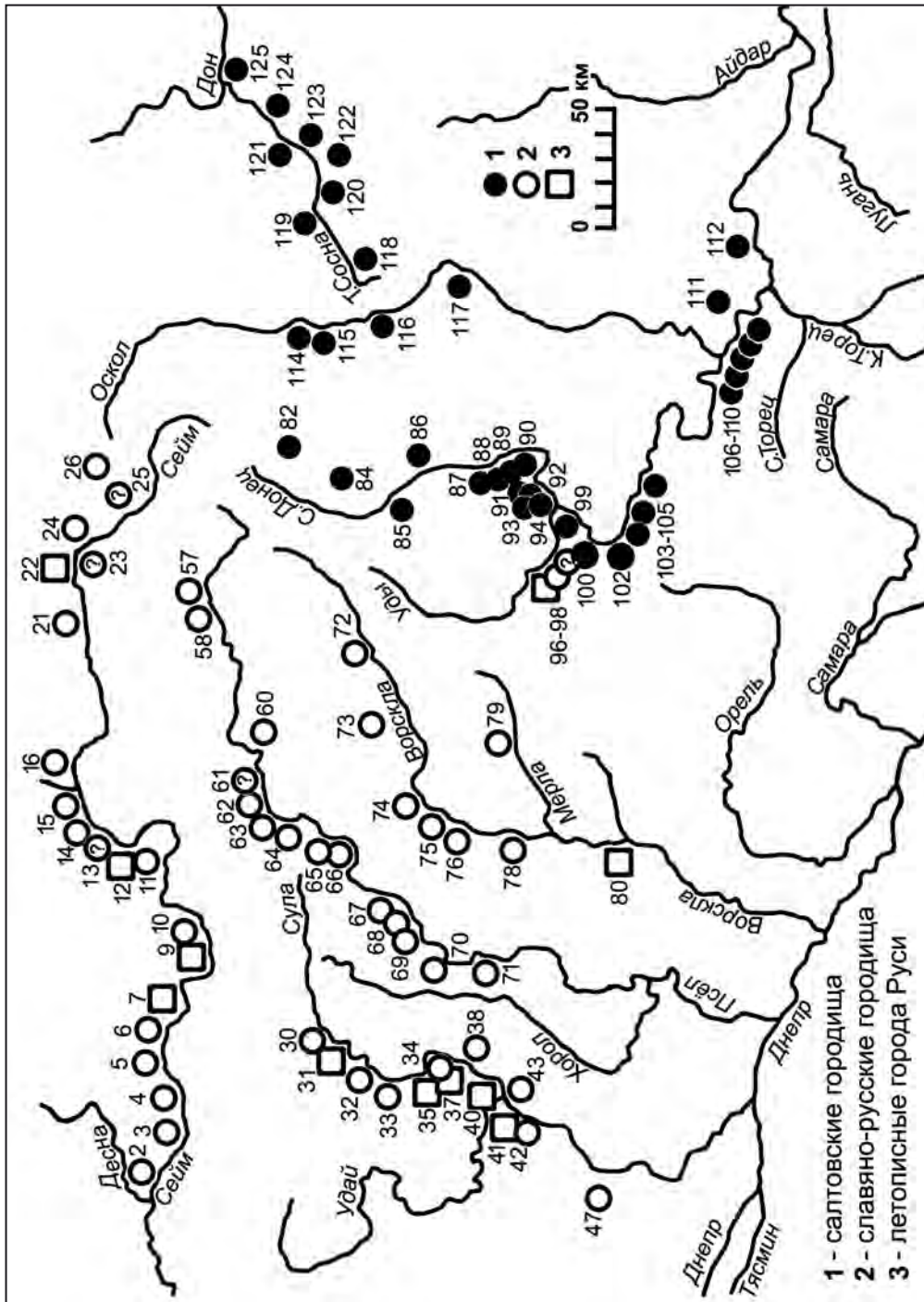

Рис. 2. Городища VIII—IX вв. в контактной зоне Днепро-Донского междуречья

практически на границе степи, возник куст городищ, центром которого был летописный Воишь. (рис. 3; табл. 1). Этот факт является дополнительным доказательством в пользу того, что Владимир укреплял не столько Русь в целом, в широком понимании смысла этого слова, сколько именно свою, прежде всего, полянскую землю со стольным Киевом. Ослабление Хазарии (особенно заметное после походов Святослава в 60-е гг. X в.) и активизация печенегов объясняет его желание поставить под контроль степную дорогу к Киеву с юга, через низовье Сулы по левому берегу Днепра. Это также объясняет его «невнимание» к остальным левобережным славянским землям, кроме, пожалуй, Сейма, что был основным притоком Десны и водной дорогой в наиболее густонаселенные северянские земли.

Таким образом, укрепления рубежей в часы Владимира принципиально не изменили картографию расселения славян Днепровского Левобережья. Летописные сведения относительно интереса Владимира (и его предшественников) к Посемью и Посулью косвенно подтверждается и тем, что именно здесь сосредоточено подавляющее большинство летописных древнерусских городов (исключение составляют Атава на Ворскле и Донец на Удах).

Знаменательные события происходят и на более восточных территориях. Во второй половине X в. в связи с ослаблением центральной власти Хазарии постепенно прекращают свое существование городища салтовской культуры. Носители последней в подавляющем большинстве покидают указанный регион Донца-Оскола и Т. Сосны. Но на городищах Мохнач и Коробовы Хутора происходит замена салтовского полиэтничного населения на славянское (роменское). Многолетние археологические исследования показывают, что в их северянские общины были инкорпорированы незначительные группы бывшего салтовского населения. Свидетельством этому являются материалы земледелия, домостроительства, керамического производства и фортификации [32, с. 64–74; 33, с. 40–45; 34, с. 75–76; 35, с. 68–77]. Таким образом, продвижение славян в юго-восточном направлении и появление их на Донце связано, в большей степени, с ослаблением Хазарского каганата и заменой его военно-политического лидерства в степях Юго-Восточной Европы на печенежское, а не с активностью Руси. Наличие в контактной зоне памятников с элементами синкретизма в материальной и духовной культуре (см. табл. 1) может свидетельствовать и в пользу того, что в отдельных случаях (Коробовы Хутора и Мохнач) можно говорить и о вполне комплиментарных межэтнических отношениях между представителями разных этносов, представляющих различные этнополитические массивы.¹

III этап (русско-печенежско-половецкий) — XI в. Разгром Ярославом печенежских орд в 1036 г. и агрессивное вторжение половцев на Русь (1055 г.) свидетельствует об очередной смене этнической доминанты в восточноевропейской степи. Присутствие каганата на лесостепных и степных территориях к юго-востоку от Руси (I-й и начало II-го этапов) характеризовалось определенным политическим равновесием между двумя этническими массивами, позволявшим им вполне мирно сосуществовать и развиваться в непосредственной близости друг от друга. Господство в степи печенегов не нарушило стабильность в регионе и практически не отразилось на системе расселения славян Днепровского Левобережья. Приход половцев с их явной агрессией к оседлому населению вполне зримо изменил карту древнерусских памятников (рис. 4). Добавим, что одной из причин значительного давления половцев стала и политическая разобщенность некогда единой Русы, которая в силу развития феодализма вступила в стадию феодальной раздробленности.

¹ Упомянутый регион среднего течения северского Донца не является исключением в плане славяно-алано-болгарского синкретизма. Подобный, а в некоторых аспектах более выраженный синкретизм можно проследить на памятниках Подонья [27, с. 90–92; 29, с. 232–240].

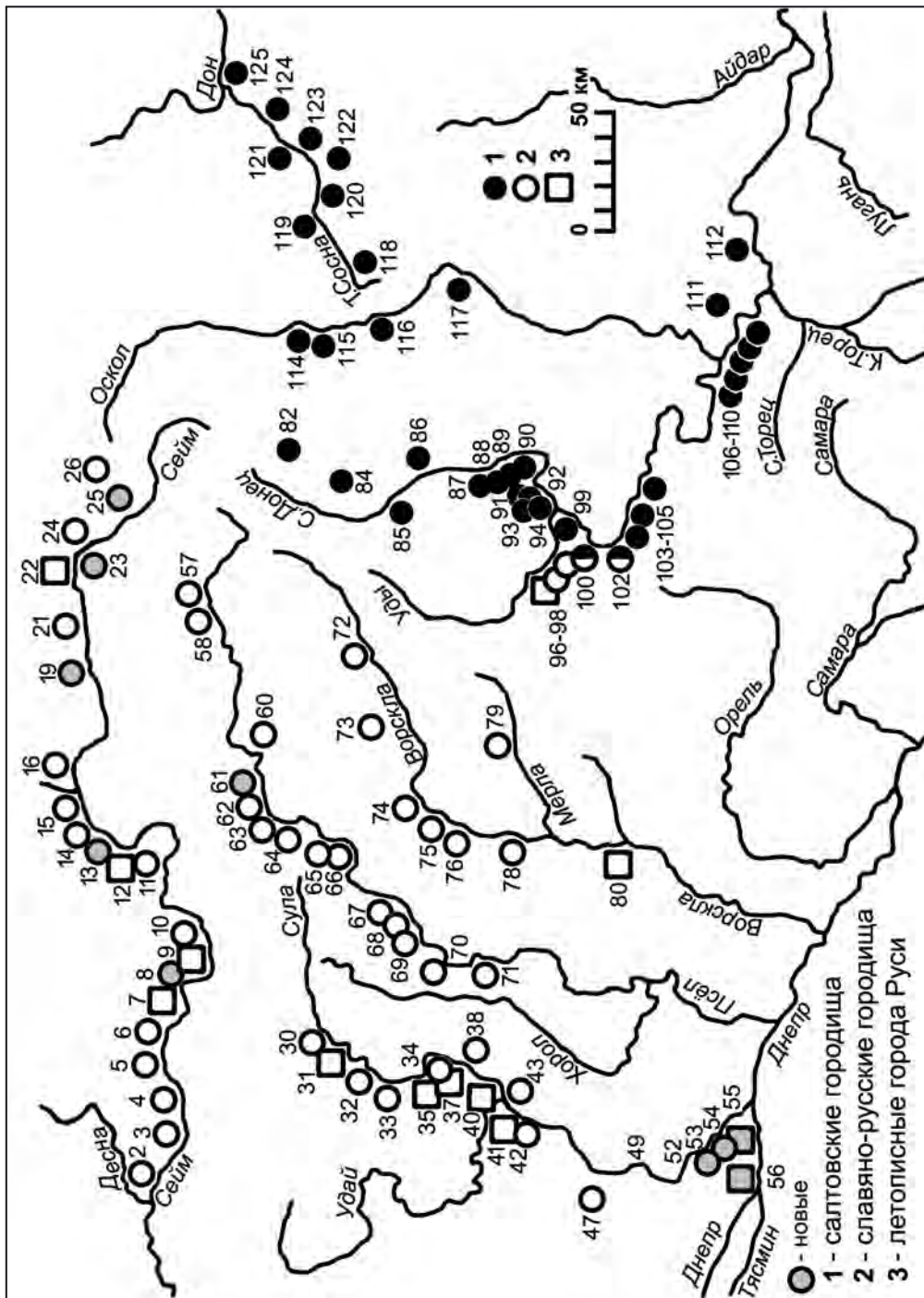

Рис. 3. Городища X вв. в контактной зоне Днепро-Донского междуречья

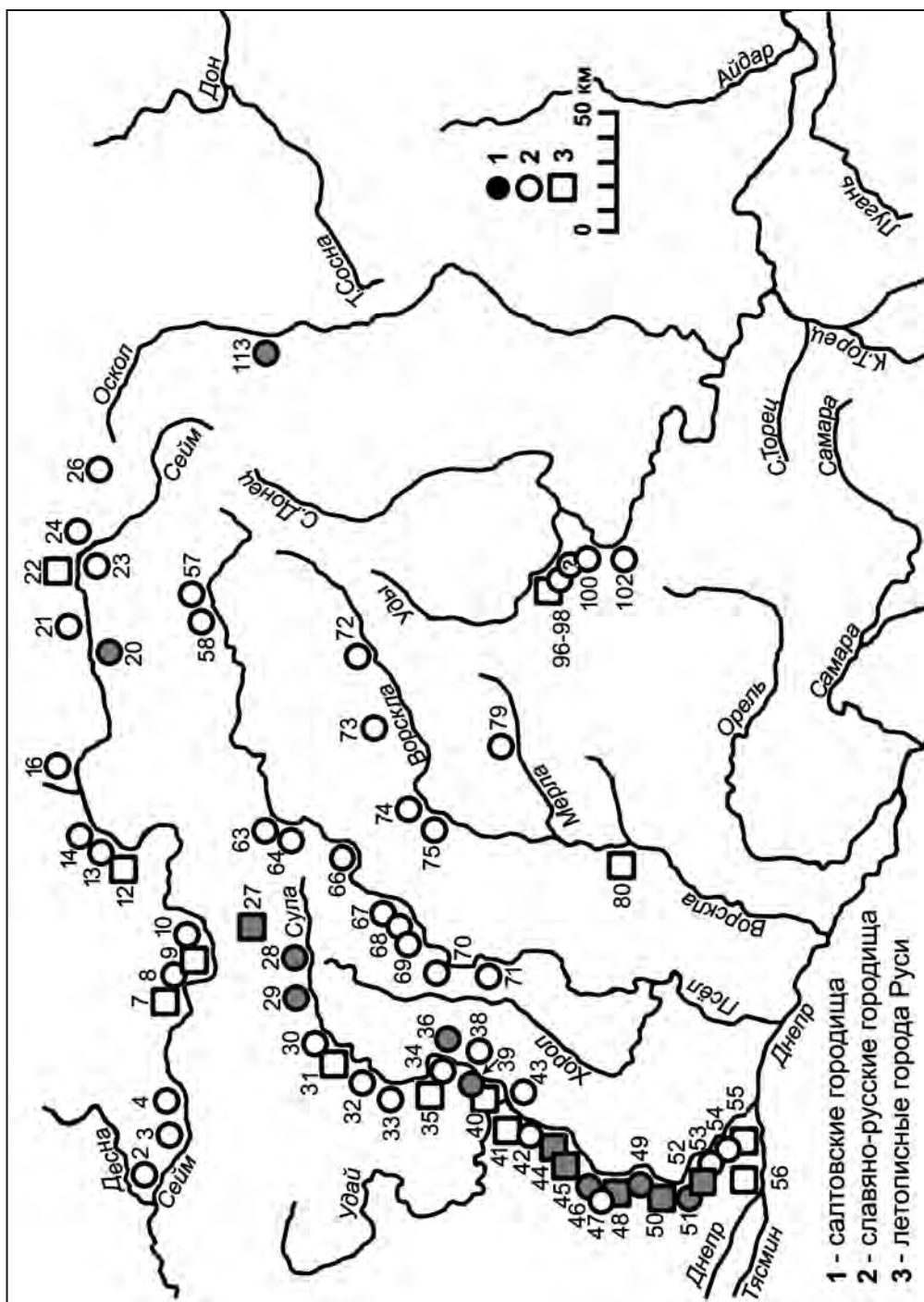

Рис. 4. Городища XI вв. в контактной зоне Днепро-Донского междуречья

Наблюдается отток славян на запад и северо-запад, под защиту князей, подальше от опасностей и рисков для земледельческого труда. Несколько сократилось число городищ на Ворскле, Псле и Сейме, в связи с чем образовались определенные бреши в довольно густых оборонительных линиях по этим рекам. Особенно это заметно в Посемье, где вместо практически сплошной линии городищ наблюдается сохранение их отдельных «гнезд» с центрами в летописных городах: Путивль и Воргол — в нижнем течении, Рылск — в среднем и Курск — в верхнем. В середине XI в. прекращается жизнь на славянских памятниках С. Донца (Мохнач и К. Хутора), где северянскому населению так и не удалось закрепиться. Вместе с тем значительно, практически вдвое, возросло количество городищ на Суле (их линия стала практически сплошной), что свидетельствует о попытках великокняжеской власти защитить центральные территории Древней Руси от набегов кочевников. Появляется летописный Вырь — городище, контролирующее, по сути, проход степняков между Сеймом и Сулой. Следует отметить и появление городища Холки на Осколе, что свидетельствует о продвижении северян по границе степи и лесостепи в сторону Дона с целью освоения новых для себя плодородных земель, на территорию, оставленную населением Хазарии (рис. 4).

IV этап (*русско-половецкий*) — XII—рубеж 30/40-х годов XIII вв. Переход кочевников-половцев от стадии поиска и обретения «новой родины» к стадии «освоения родины» характеризовалось определенной стабилизацией половецкого общества [36, с. 13–73]. Начиная с 20-х гг. XII в. и практически до татаро-монгольского нашествия ситуация на русско-половецком пограничье в контактной зоне была относительно стабильной и чаще контролировалась русскими князьями [5, с. 111–158; 36, с. 56–64]. Все это находит отражение и в карте древнерусских городищ региона. Возрождается жизнь на ряде памятников Посемья и напротив устья Сейма при его впадении в Десну появляется летописный город Хоробор. Увеличивается количество городищ по Ворскле и Псле (как новых, так и возродившихся старых). Знаменательно появление городища Кишеньки в устье Ворсклы и Гайдары на С.Донце. Они свидетельствуют о желании русских князей этими далекими гарнизонами контролировать наиболее важные дороги из степи к Поднепровью. Появляется городище Крапивное, закрепляющее проникновение северян в верховья Донца (рис. 5).

Следует обратить внимание на находку на территории бывшего салтовского городища Кочеток-I скопления фрагментов древнерусской керамики. В нем выявлены обломки кухонного горшка с гончарным клеймом старшего сына Владимира Мономаха — Мстислава Великого, что вполне соотносится с двумя походами, которые были организованы Владимиром Мономахом в 1111 и 1116 гг. на Шарукань [37, с. 116–124, рис. 6]. Не вдаваясь в подробности бесконечного спора о локализации Шарукани, что выходит за рамки данной работы, отметим, что русскими воинами для организации временного походного лагеря могли использоваться и салтовские городища (в частности — Кочеток-I). И еще: упоминание половецких городков — Шарукань, Сугров и Балин [38, стб. 266–268, 284] — не смотря на все безуспешные попытки их локализации свидетельствуют, что в данный период относительной стабилизации половецкого общества (связанного с завершением распределения территории европейской степи между ордами) у них появляются долговременные стойбища — места постоянного пребывания степного контингента в непосредственной близости от славянских территорий. С. А. Плетнева связывает эти «донецкие городки» с донской (донецкой) ордой, центр которой находился в среднем течении Северского Донца [39, с. 60–61, 155, карта на с. 149]. В связи с этим, мы вправе предположить, что половцы, как и центральная власть Хазарии, для укрепления своих внешних позиций на границе со славянским миром, создают некие «опорные пункты», закрепляющие данную территорию за ними. Именно они были способны стать базой (опорой) для развития отношений с Русью на новом этапе, характеризующимся

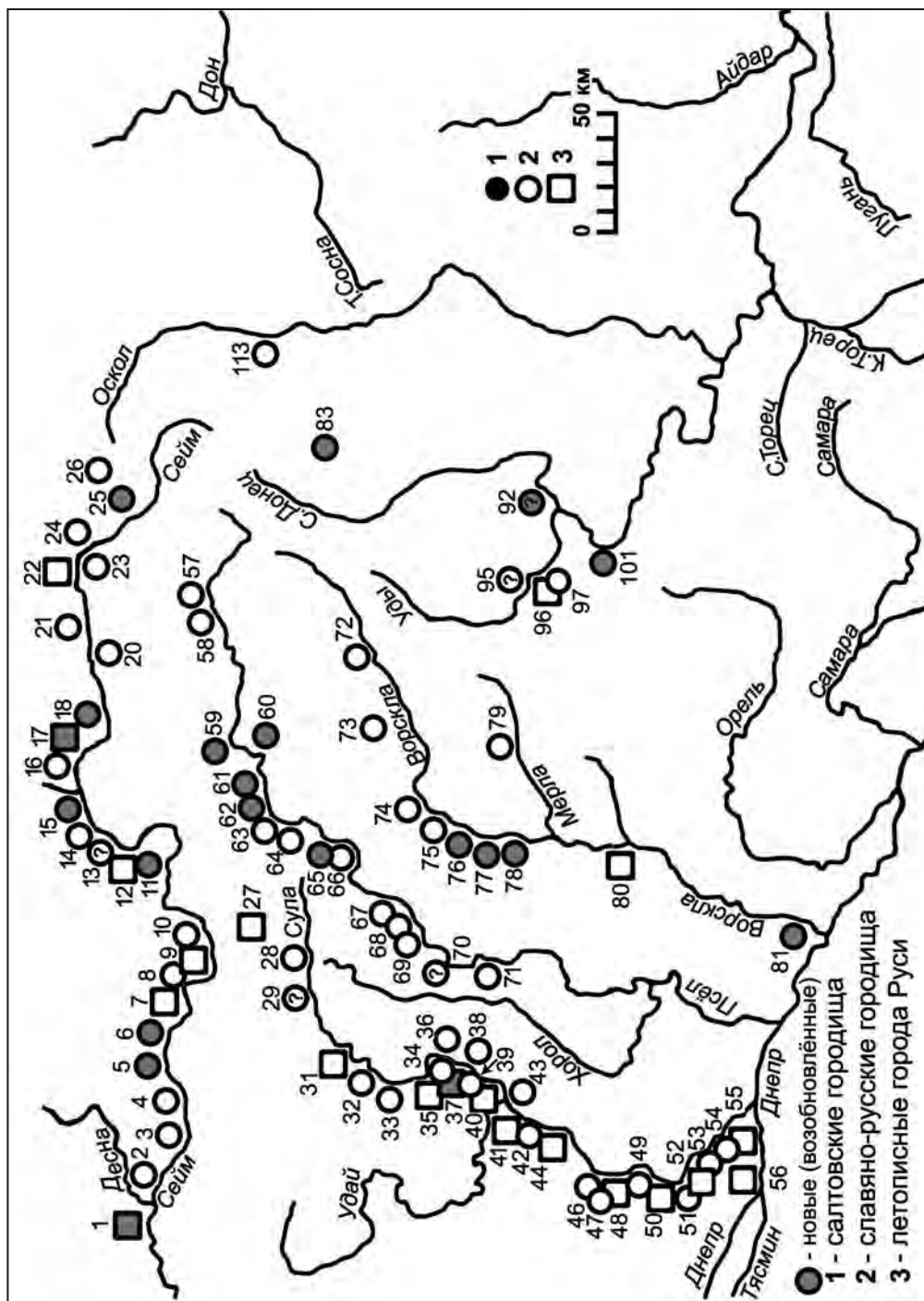

Рис. 5. Городища XII—рубежа 30/40-х гг. XIII вв. в контактной зоне Днепро-Донского междуречья

с одной стороны — раздробленностью и междоусобицами на Руси, а с другой — относительной стабильностью и, как следствие, усилением роли половцев в тех же распрях между русскими князьями. Именно против этих городков и был направлен удар русских дружин.

Вполне дискуссионным является время возникновения городища на территории исторического центра Харькова. Основываясь на собственной интерпретации карты ал-Идриси исследователь славяно-русских памятников А. Г. Дьяченко пытается увязать Харьковское городище с населенным пунктом Тахркумука, который отнесется ко времени — не позднее первой половины XII в. Кроме того, говорится, что его древнерусское население домонгольского времени воспользовалось существующим здесь ранее городищем салтовской культуры (!) — [40, с. 84–88]. Однако археологические реалии противоречат этому. Проведенные в 2008–2009 гг. в центре Харькова раскопки свидетельствуют о том, что полученный материал относится к периоду — не ранее XIII в. [41].

В любом случае, учитываем мы Кочеток-I и Харьков в качестве городищ этого периода или нет, число славяно-русских городищ в рассматриваемом регионе в это время максимально (рис. 5).

V этап (*Русские княжества — Золотая Орда*) — середина XIII—середина XIV вв. В определенной степени этот этап можно назвать «постдревнерусским». Одним из последствий татаро-монгольского нашествия стало резкое сокращение древнерусских городищ и летописных городов (рис. 6). Они полностью исчезают в нижнем течении Сейма, на Псле и Ворскле. По три городища известно на верхнем Сейме, Средней Суле, на Удах и, возможно, одно на Мерле. Особо следует отметить Курск — на Сейме, Снетин (Кснятин) — на Суле и Карачевку (Донецкое городище) — на Удах, которые функционировали без перерыва на протяжении всего рассматриваемого времени. Причины этого феномена могут быть различны и многообразны. Но одной из главных, по нашему мнению, является умение жителей этих поселений быть нужными своим степным соседям, что связано с их определенной стабилизирующей ролью в рискованном скотоводческом хозяйстве степняков, а также с организацией политико-экономических отношений в системе Русские княжества — Золотая Орда.

Как показали исследования исторического центра Харькова в 2009 г., именно в это время здесь велась активная жизнь, репрезентируемая разнообразными артефактами, в том числе и рядом ордынских монет этого периода (вторая половина XIII—XIV вв.).¹ В настоящий момент мы не можем уверенно говорить об этническом составе Харьковского городища этого времени, равно как и другого синхронного поселения — Олешки, выявленного в 2006 г. на северной окраине Харькова [42, с. 81]. Однако вряд ли оно отличалось от того, которое проживало на этой территории в доордынское время. Скорее всего, это были славяне, инкорпорированные новыми властями (ордынцами) в новую, созданную и контролируемую ими систему экономических и военно-политических отношений в этой части контактной зоны с безусловным доминированием Золотой Орды.

Есть косвенные данные о материалах XIII в. (в общих рамках столетия) на городище Городное [43, с. 11; 44, с. 17], что позволяет допустить и возможность его существования после монгольского нашествия. Его местоположение на Мерле также вполне объяснимо с точки зрения организации торгово-экономического взаимодействия Золотой Орды и Древнерусских княжеств: как по сухопутью через броды от р. Уды, через Посулье в Среднее Поднепровье, так и водным путем: Мерла—Ворскла—Днепр, с выходом опять же в Среднее Поднепровье (рис. 6).

¹ Доклад И. В. Голубевой на Научной конференции-презентации Харьковского историко-археологического общества, посвященной итогам полевого сезона 2009 г. в ХНУ им. В. Н. Каразина. — Харьков, 10 декабря 2009 г. Это же отражено и в пресс-релизе.

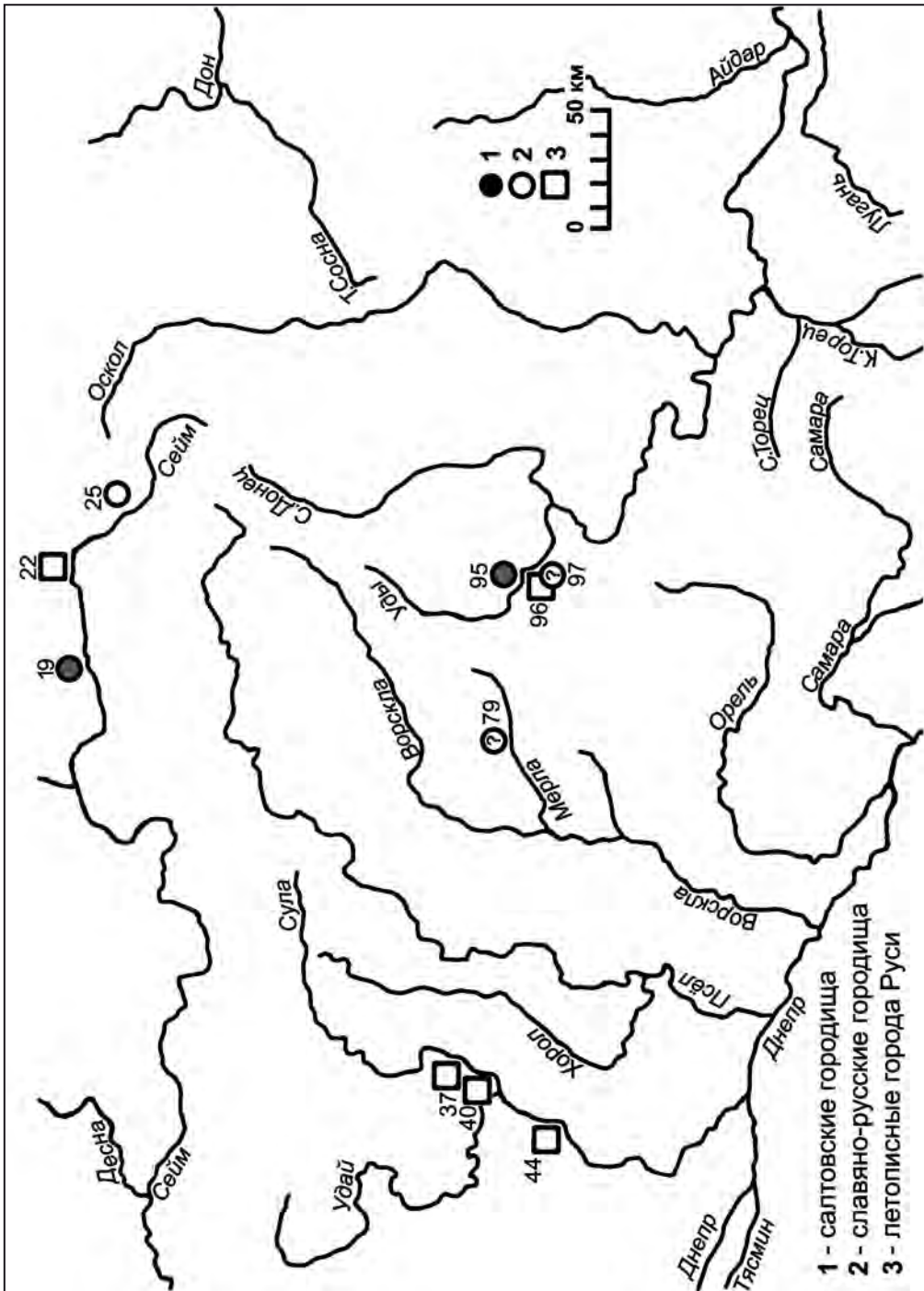

Рис. 6. Городища середины XIII—середины XIV вв. в контактной зоне Днепро-Донского междуречья

Финальный этап Хорошевского городища, по мнению его исследователя Б. А. Шрамко, также относится к XIII в. Руководитель последних стационарных раскопок и автор по сути единственной специально посвященной этому памятнику публикации не решился конкретизировать верхнюю границу [45, с. 59], что также дает возможность говорить о некотором времени его существования и после монгольского нашествия. Косвенным подтверждением этому может служить и клад из 2500 золотоордынских монет, найденный в 1952 г. близ пос. Васищево, практически в пределах сельскохозяйственной зоны Хорошевского городища [46, с. 126]. Кроме того, ряд монетных кладов и находок отдельных монет известны как на упомянутых памятниках, так и на Харьковщине в целом [47, с. 359–360; 48, с. 60–67], свидетельствуют о том, что регион Северского Донца был зоной активной экономической и военно-политической деятельности на протяжении всего XIV в.

Жизнь на древнерусских городищах и на иных поселенческих памятниках контактной зоны (за исключением Курска и его округи) начинает угасать, скорее всего, во второй половине XIV в., с началом междоусобиц в Золотой Орде. Она постепенно прекращается лишь в начале XV в., когда Золотая Орда под давлением внешних, а, главное, внутренних факторов становится на путь своего распада и создания новых ханств и орд.

Таким образом, опираясь на данные картографирования городищ, контактной зоны междуречья Днестра и Дона, можно сделать ряд выводов относительно славяно-русских контактов с многоэтничным миром восточноевропейского степного населения:

- в истории этих взаимоотношений конца VIII—середины XIV в. н. э. можно выделить пять этапов, каждый из которых обладает своими особенностями;
- инициатором этих отношений чаще всего выступали кочевые народы;
- причины этой «кочевой инициативы» лежат в более рискованном характере кочевое скотоводческого хозяйства, нежели экономики, основанной на пашенном земледелии, а также в значительном количестве свободных и вооруженных членов кочевых сообществ, не занятых непосредственно в скотоводческом хозяйстве;
- степень интенсивности контактов славян и Руси со Степью, равно как и характер этих взаимосвязей, зависели, главным образом, от доминирования того или иного этноса (этносов) в степной (для хазарского периода — и лесостепной) зоне рассматриваемого региона;
- основными рубежами обороны славян от агрессии степняков на протяжении практически всего государственного периода их истории были Сейм и Сула; Ворскла и Псел играли вспомогательную роль;
- наиболее тесные контакты славян и кочевых (полукочевых) соседей наблюдаются на Северском Донце и его притоках (Уды, Оскол), что в отдельных случаях приводит к особым «комплиментарным» отношениям между представителями различных этносов; отражением этого являются памятники с синкретичными чертами в материальной и духовной культуре (особенно отчетливо это проявляется на начальном, славяно-хазарском этапе); вполне вероятно это и для памятников бассейна северского Донца последнего периода;
- имеющиеся данные позволяют скорректировать хронологию периода так называемого «дикого поля» для лесостепной и северной части степной зоны Левобережного Поднепровья и Подонцовья, отнеся его начало к рубежу XIV—XV вв.

Ключевые слова: славяне, Киевская Русь, Хазарский каганат, Золотая Орда, городище, межэтнические контакты.

Список городищ контактной зоны Днепра—Северского Донца

№ на карте	Культурная принадлеж.	Городище	Летописн. город	Хронология (века)					Река
				² / ₂ VIII — IX	X	XI	XII— ¹ / ₂ XIII	² / ₂ XIII — нач. XIV	
1	ДР	Макошино	Хоробор				+		Десна
2	ВС + ДР	Шабалинов		+	+	+	+		Десна
3	ВС + ДР	Горки		+	+	+	+		Сейм
4	ВС + ДР	Бунякино		+	+	+	+		Сейм
5	ВС + ДР	Божки		+	+		+		Сейм
6	ВС + ДР	Волокитино		+	+		+		Сейм
7	ВС + ДР	Воргол	Воргол	+	+	+	+		Сейм
8	ВС + ДР	Литвиновичи			+	+	+		Сейм
9	ВС + ДР	Путивль	Путивль	+	+	+	+		Сейм
10	ВС + ДР	Вольнцево		+	+	+	+		Сейм
11	ВС + ДР	Лещиновка		+	+		+		Сейм
12	ВС + ДР	Рыльск—II	Рыльск	+	+	+	+		Сейм
13	ВС + ДР	Рыльск—I		?	+	+	?		Сейм
14	ВС + ДР	Асмолово		+	+	+	+		Сейм
15	ВС + ДР	Капыстичи		+	+		+		Сейм
16	ВС + ДР	Баиши		+	+	+	+		Сейм
17	ДР	Льгов	Ольгов				+		Сейм
18	ВС + ДР	Городенск					+		Сейм
19	ВС + ЗО	Сугрово—II			+			+	Сейм
20	ВС + ДР	Сугрово—I				+	+		Сейм
21	ВС + ДР	Липино		+	+	+	+		Сейм
22	ВС + ДР + ЗО	Курск	Курск	+	+	+	+	+	Сейм
23	ВС + ДР	Маслово		?	+	+	+		Сейм
24	ВС + ДР	Шуклинка		+	+	+	+		Сейм
25	ВС + ДР + ЗО	Городище		?	+		+	+	Сейм
26	ВС + ДР	Титово		+	+	+	+		Сейм
27	ДР	Белополье	Вырь			+	+		
28	ДР	Недрыгайлов				+	+		Сула
29	ДР	Константиново				+	?		Сула
30	ДР	Монастырище		+	+	+			Сула
31	ВС + ДР	Ромны	Ромен	+	+	+	+		Сула
32	ВС + ДР	Глинск		+	+	+	+		Сула
33	ВС + ДР	Свиридовка		+	+	+	+		Сула
34	ВС + ДР	Городище		+	+	+	+		Сула
35	ВС + ДР	Скоробогатки	Песочен (?)	+	+	+	+		Сула
36	ДР	Бодаква—I				+	+		Сула
37	ВС + ДР + ЗО	Сенча—I	Синец	+	+		+	+	Сула
38	ВС + ДР	Бодаква—II		+	+	+	+		Сула
39	ДР	Сенча—II				+	+		Сула
40	ВС + ДР + ЗО	Снетин	Кснятин	+	+	+	+	+	Сула
41	ВС + ДР	Лубны	Лубен	+	+	+	+		Сула
42	ВС + ДР	Хитцы		+	+	+	+		Сула
43	ВС + ДР	Свиридовка (?)		+	+	+	+		Сула
44	ДР + ЗО	Мацковцы	Снепород			+	+	+	Сула
45	ДР	Горошино	Горошин			+			Сула
46	ДР	Беребеницы				+	+		Сула
47	ВС + ДР	Тарасовка		+	+	+	+		Сула
48	ДР	Лукомье	Лукомль			+	+		Сула

49	ДР	Лящевка				+	+		Сула
50	ДР	Большая Буримка	Римов (?)			+	+		Сула
51	ДР	Чутовка				+	+		Сула
52	ДР	Жовнино-I	Желни			+	+		Сула
53	ВС + ДР	Матвеевка				+	+		Сула
54	ВС + ДР	Жовнино-II				+	+		Сула
55	ВС + ДР	Воинская Гребля	Воинь			+	+		Сула
56	ВС + ДР	Миклашевский	Малотин(?)			+	+		Днепр
57	ВС + ДР	Рождественское				+	+		Псёл
58	ВС + ДР	Гочево				+	+		Псёл
59	ДР	Куриловка					+		Псёл
60	ВС + ДР	Рыбица Великая				+	+		Псёл
61	ВС + ДР	Могрица				?	+		Псёл
62	ВС + ДР	Зелёный Гай				+	+		Псёл
63	ВС + ДР	Тополи				+	+		Псёл
64	ВС + ДР	Сумы				+	+		Псёл
65	ВС + ДР	Шпилевка				+	+		Псёл
66	ВС + ДР	Ворожба				+	+		Псёл
67	ВС + ДР	Каменное				+	+		Псёл
68	ВС + ДР	Азак				+	+		Псёл
69	ВС + ДР	Кнышевка				+	+		Псёл
70	ВС + ДР	Броварки				+	+		Псёл
71	ВС + ДР	Сары				+	+		Псёл
72	ВС + ДР	Хотмыжск	Хотомышль			+	+		Ворскла
73	ВС + ДР	Ницаха				+	+		Ворскла
74	ВС + ДР	Петровское				+	+		Ворскла
75	ВС + ДР	Ахтырка				+	+		Ворскла
76	ВС + ДР	Журавное				+	+		Ворскла
77	ДР	Безсалы					+		Ворскла
78	ВС + ДР	Глинск				+	+		Ворскла
79	ВС + ДР + 30	Городное				+	+		Мерла ?
80	ВС + ДР	Полтава	Лтава			+	+		Ворскла
81	ДР	Кишеньки					+		Ворскла
82	СМК	Большое				+	+		С. Донец
83	ДР	Крапивное					+		С. Донец
84	СМК	Дмитриевка				+	+		С. Донец
85	СМК	Архангельское				+	+		С. Донец
86	СМК	Волчанск				+	+		С. Донец
87	СМК	Верхн. Салтов				+	+		С. Донец
88	СМК	Старый Салтов				+	+		С. Донец
89	СМК	Хотомля				+	+		С. Донец
90	СМК	Мартовое				+	+		С. Донец
91	СМК	Кицевка				+	+		С. Донец
92	СМК	Кочеток-I				+	+		С. Донец ?
93	СМК	Кочеток-II				+	+		С. Донец
94	СМК	Чугуев				+	+		С. Донец
95	ДР + 30	Харьков					+		Уды ?
96	ВС + ДР + 30	Карачевка	Донец			+	+		Уды
97	ВС + ДР + 30	Хорошево				+	+		Уды ?
98	ВС	Водяное				?	+		Уды ?
99	СМК	Кабаново				+	+		Уды
100	СМК + ВС	Мохнач				+	+		С. Донец

101	ДР	Гайдары					+		С. Донец
102	СМК + ВС	Короб. Хутора		+	+	+			С. Донец
103	СМК + ВС	Сух. Гомольша		+	+				С. Донец
104	СМК	Северское		+	+				С. Донец
105	СМК	Вербовское		+	+				С. Донец
106	СМК	Богородичное		+	+				С. Донец
107	СМК	Святогорск		+	+				С. Донец
108	СМК	Татьяновка		+	+				С. Донец
109	СМК	Сидорово		+	+				С. Донец
110	СМК	Маяки		+	+				С. Донец
111	СМК	Новосёловка		+	+				С. Донец
112	СМК	Кирово		+	+				С. Донец
113	ДР	Холки					+	+	Оскол
114	СМК	Афоньевка		+	+				Оскол
115	СМК	Ютановка		+	+				Оскол
116	СМК	Поминово		+	+				Оскол
117	СМК	Подлысенки		+	+				Оскол
118	СМК	Красное		+	+				Т. Сосна
119	СМК	Усеред		+	+				Т. Сосна
120	СМК	Алексеевка		+	+				Т. Сосна
121	СМК	Верхн. Ольшан		+	+				Т. Сосна
122	СМК	Колтуново		+	+				Т. Сосна
123	СМК	Мохоудерово		+	+				Т. Сосна
124	СМК	Павловка		+	+				Т. Сосна
125	СМК	Маяцкое		+	+				Т. Сосна

Условные обозначения: ВС — восточный славяне, ДР — Древняя Русь, ЗО — Золотая Орда, СМК — салтово-маяцкая культура, **жирным шрифтом** выделены городища, на которых выявлены элементы культурного взаимодействия (синкретичные черты).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В. О.* Краткий курс русской истории. — М., 1956. — Т. I. — Ч. 1.
2. *Костомаров Н. И.* Черты народной южнорусской истории//Исторические исследования. — К., 1990.
3. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. — М., 1951.
4. *Рыбаков Б. А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси//СА. — 1953. — Т. XVIII.
5. *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К., 1999.
6. *Артамонов М. И.* История хазар. — Л., 1962.
7. *Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами//СА. — 1962. — № 1.
8. *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения Северо-Западного хазарского пограничья//Новое в археологии. — М., 1972.
7. *Колода В. В.* К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян//Хазары. — Евреи и славяне. — М., 2005. — Т. 16.
10. *Колода В. В.* Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Донця//АЛЛУ. — 2005. — № 1–2.

11. Колода В. В. Техника создания славянских оборонительных линий на городище Мохнач как отражение межэтнических контактов в раннем средневековье//Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. — М., 2008.
12. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья. — К., 1975.
13. Куза А. В. Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. — М., 1996.
14. Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII—XIII ст. між Саном та Сіверським Дінцем. — К., 1999.
15. Афанасьев Г. Е. Население Лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—IX вв.//Археологические открытия на новостройках. — М., 1987. — Вып. 2.
16. Афанасьев Г. Е. Донские Аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртаского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993.
17. Свистун Г. Є. Городища біля селища Кочеток на Харківщині//АДУ. — К., 2005.
18. Свистун Г. Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И. Е. Репина в 2006 г.//Архив ИА НАНУ.
19. Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры//Археологическое изучение Центральной России. — Липецк, 2006.
20. Толочко П. П. Київська Русь. — К., 1996.
21. Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). — К.; Чернівці, 2001.
22. Скиба А. В. Взаємозв'язки кочівників і слов'ян Південно-Східної Європи у VI—VII ст. (культурно-політичний аспект). — Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 2006.
23. Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст. — К., 1992.
24. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
25. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. — Воронеж, 2003.
26. Колода В. В. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиций конца I тысячелетия в Днепровском лесостепном Левобережье//Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. — Курск, 2008.
27. Колода В. В. Гончарная керамика вольтинцевской культуры как отражение межэтнических контактов и исторической судьбы ранних северян//Востоочнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья (Материалы научной конференции). — Воронеж, 2008.
28. Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора)//Древности, 2006–2008: харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2008.
29. Колода В. В. Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья//Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
30. Колода В. В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян-Руси с населением Хазарии//Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009.
31. Повесть временных лет. Лаврентьевский список. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.
32. Горбаненко С. А. Про землеробство жителів Мохначанського городища (роменська культура)//Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Міжнар. наук. конф. — Луганськ, 2002.
33. Колода В. В. Некоторые итоги археологических исследований Мохначанского городища//Християнські старожитності Лівобережної України. — Полтава, 1999.

34. Колода В. В. Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований//Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Междунар. науч. конф. — Х., 2008.
35. Колода В. В., Горбаненко С. А. Про землеробство жителів городища Водяне на Харківщині//Археологія. — 2004. — № 3.
36. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982.
37. Свистун Г. Е., Зинченко А. Н. Знемено Мстислава Великого с городища Кочеток—I //Харьковский историко-археологический сборник. — Вып. 5. — Х., 2009.
38. Полное Собрание Русских Летописей. — М., 1962. — Т. 2. — Ипатьевская летопись.
39. Плетнева С. А. Половцы. — М., 1980.
40. Дьяченко А. Г. Северско-Донецкая окраина Юго-Восточной Руси в картографическом труде середины XII в.//Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. — Х., 2008.
41. Голубєва І. В. Археологічні дослідження середньовічних пам'яток Харкова в 2008 році //готовиться к печати в сборнике АДУ 2007–2008 гг. — К..
42. Шрамко І. Б. Нове поселення XIV століття в басейні Сіверського Донця//Проблеми історії і археології України: Матеріали VI Міжнарод. науч. конф., посвященної 150-літтю со дня народження академіка В. П. Бузескула. — Х., 2008.
43. Моруженко А. А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета: разведки и раскопки в 1974 г.//Архив ИА НАНУ. — Д. № 1974/68.
44. Моруженко А. А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведках и раскопках в 1976 году//Архив ИА НАНУ. — Д. № 1976/96.
45. Шрамко Б. А. Хорошевское городище//Археология славянского юго-востока. — Воронеж, 1991.
46. Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. — К., 1977.
47. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Х., 1962.
48. Бейдин В. Г., Григорьянц М. Н. Клады и монеты Харьковщины. — Х., 2007.

Резюме

Колода В. В. Картографування ранньосередньовічних городищ Дніпро-Донського межиріччя як метод виявлення етапів слов'яно-кочівницьких взаємин

Стаття присвячена аналізу взаємин східних слов'ян і населення Давньої Русі з кочівниками степів Східної Європи. Спираючись на дані картографування городищ, контактної зони Дніпра — Сіверського Дінця, автор виділяє п'ять етапів цих взаємин, показує особливості кожного з них. На його думку, ініціатором цих відносин найчастіше виступали кочові народи, що пов'язане з особливістю їхнього соціально-економічного розвитку. Основними рубежами оборони слов'ян від агресії степовиків протягом практично всього державного періоду їхньої історії були ріки Сейм і Сула, а ріки Ворскла й Псел відігравали допоміжну роль. Найбільш тісні контакти спостерігаються на Сіверському Дінці, що виражається в наявності археологічних пам'яток кінця I тис. із синкретичними рисами в матеріальній і духовній культурі. Наявні дані дозволяють віднести початок періоду запустіння контактної зони («дикого поля») до межі XIV—XV ст.

Ключові слова: слов'яни, Київська Русь, Хозарський каганат, Золота Орда, городище, міжетнічні контакти.

Summary

V. Koloda. Mapping the Early-Medieval Hillforts in the Dnieper and the Don Interfluve as a Method of Determination of Slavo-nomadic Relationship Stages

The article is devoted to the analysis of relationship between the East Slavs and the Ancient Russ and the nomads of the Eastern European steeps. Basing on the data of settlement mapping and the Dnieper-Severskiy Donets contact zone, the author singles out five stages of this relationship and shows the peculiarities of each of them. In his opinion, nomadic peoples very often were the initiators of such relationship that is explained by characteristics of their social-economic relationship. During the whole period of the Slav's history their principal defensive line from the aggression of the inhabitants of the steep region were the rivers Seim and Sula; the Vorskla and the Psyol took subsidiary role. The closest contact has been observed on the Severskiy Donets. This is expressed by the existence of archaeological sites dated from I millennium with syncretic features of material and spiritual culture. Available data allow to date the starting point of desolation of the contact zone ("wild area") to the turn of XIV—XV c.

Key words: the Slavs, Kiev Russ, Khazarian khaganate, the Golden Horde, settlement, interethnic contacts.

